ЕВРОПА 13.07.2026 | Адам Кола

Избирательность – позорная черта постимперской Европы

Война России против Украины выявила существенный пробел в мировоззрении Европы: одни империи признаются охотнее, чем другие

Европа ведет борьбу с наследием колониализма, рабства и расового неравенства на протяжении многих десятилетий подряд. Переосмысление – это необходимый, но пока не завершенный процесс. Война России против Украины выявила существенный пробел в постимперском представлении о Европе: одни империи континент научился признавать охотнее, чем другие.

Стремление России доминировать в Украине считают агрессией, проявлением ревизионизма или угрозой безопасности. Все это соответствует действительности. Но это также является проявлением империализма. Кремль стремится не просто к территориальному и стратегическому господству, но и отрицает полноценный исторический и политический суверенитет Украины, относится к украинской культуре как к производной и претендует на право решать, может ли украинская нация существовать.

Европа не может считать себя «постимперской», если признает колониальное господство на Западе, но в то же время рассматривает российское господство на Востоке лишь как геополитический вопрос. Смысл перемен не в том, чтобы заменить внимание к западному колониализму новой иерархией страданий, сосредоточенной на Востоке, а в формировании всестороннего понимания империи в Европе.

Ситуация в Украине осветила концептуальный пробел

После полномасштабного вторжения России в Украину игнорировать имперскую природу России невозможно. Аннексия сопровождалась подавлением украинского образования и культуры,

введением российского гражданства и учебных программ, конфискацией имущества, а также депортацией или принудительным перемещением украинских детей. Согласно данным, обнародованным порталом украинского правительства «Дети войны» и приведенным Европейской комиссией, с февраля 2022 года незаконно депортировано или принудительно перемещено более 20 500 детей.

Влияние имперской власти осуществляется не только путем оккупации территорий, но через определение того, какие языки, идентичности и формы памяти имеют право существовать

Эти действия России не случайны. Это прежде всего практика, направленная на поглощение одного политического сообщества другим. Влияние имперской власти осуществляется не только путем оккупации территорий, но через определение того, какие языки, идентичности и формы памяти имеют право существовать.

Украинские интеллектуалы описывали все это задолго до полномасштабного вторжения. Журналист и публицист Николай Рябчук проанализировал Украину как постколониальное общество, в котором политическая независимость не привела к автоматическому устранению унаследованных культурных иерархий или российского представления о том, что украинская идентичность второстепенна и неполна. Писательница Оксана Забужко исследовала господство сквозь призму языка, литературы, памяти и заключила, что культура имперского центра представляет себя как универсальную, тогда как культура подчиненной нации сводится к чему-то провинциальному или производному.

По сути, проблема не в том, что в Европе не хватает концепций для осмысления русского империализма. На самом деле голоса, которые их выражали, слишком часто воспринимались как региональные, второстепенные или ангажированные.

Это важно, ведь отношения Украины и Европейского союза становятся все более определенными. Переговоры о вступлении официально начались в июне 2024 года, а в июне 2026-го ЕС и Украина открыли первый переговорный блок, охватывающий демократические институты, верховенство права и основные права. Расширение – это процесс, в ходе которого страна-кандидат перенимает стандарты, уже определенные ЕС.

Украине еще предстоит провести ряд реформ, но вступление в ЕС не

следует представлять как односторонний процесс, в котором «совершенная» Европа учит «несовершенную» Украину, как стать европейской. Украина также заставляет ЕС пересмотреть собственные исторические категории, в частности, свое понимание понятия «империи».

Почему сложно распознать русский империализм

Во-первых, западноевропейские дискуссии о колониализме формировались в основном под влиянием заморских империй. В истории сформировалась привычная схема: имперский центр был в Европе, а колония – географически отдалена и отделена морем. Континентальные империи, смешанное население и господство, оправданием которого считали культурное родство, гораздо сложнее вписывались в эту модель.

Концепция советского историка культуры, культуролога и психолога Александра Эткинда о «внутренней колонизации» России помогает объяснить это различие. Российская имперская экспансия распространялась на соседние территории, однако колониальные практики были направлены также внутрь страны, то есть на население, которое государство стремилось контролировать, преобразовывать по определенному образцу или подчинить в культурном плане. Отсутствие океана между центром и периферией не делало эти отношения менее имперскими.

Во-вторых, есть международный образ Советского Союза, который позиционировал себя как антиимперское государство и поддерживал деколонизационные движения в Африке и Азии. Эта поддержка была важной, и нельзя сделать вид, будто этого не было. В то же время внешняя антиколониальная риторика сочеталась с внутренней иерархией, политическим принуждением, русификацией и контролем Москвы над формированием авторитетных представлений о советских республиках и Восточной Европе.

Восточная Европа часто рассматривалась как объект геополитики, а не источник знаний об империи

Советская система могла бросить вызов западному колониализму на глобальном уровне, одновременно воспроизводя имперские отношения в собственном политическом пространстве. Это противоречие усложняет упрощенное деление на имперский Запад и антиимперский социалистический мир.

В-третьих, проблема заключалась в формировании знаний и представлений. Восточная Европа часто рассматривалась как объект геополитики, а не источник знаний об империи. Предостережения Украины, стран Балтии, Польши, Грузии и других государств региона по отношению к русской мощи часто классифицировали как проявления национализма, исторического образа или неспособности выйти за пределы эпохи холодной войны. Западным аналитикам гораздо охотнее предоставляли право объяснять Россию, чем соседям России право говорить о своем опыте.

После 2022 года американский историк Тимоти Снайдер вынес колониальную интерпретацию российской войны на западный публичный дискурс. Его влияние способствовало привлечению внимания к позиции, которую украинские мыслители отстаивали на протяжении многих лет, а именно: отрицание существования нации и претензии на право определять ее политическое будущее являются проявлением империализма. Запоздалое восприятие этого аргумента выявляет иерархию не только власти, но и того, чьи знания Европа считает универсальными.

Признание не равно соревнованию

Устранение этого дисбаланса порождает еще один риск. Российский империализм не может быть весомым аргументом в пользу минимизации западного колониализма, Восточная Европа не должна представлять себя как регион, не причастный к глобальной истории иерархии, расизма и господства, или как невинный наблюдатель.

Западноевропейские государства должны включить русское и советское господство в свое понимание понятия империи

Постимперская Европа должна признать как заморские, так и континентальные империи, не превращая историю одних в повод игнорировать историю других. Западноевропейские государства должны включить русское и советское господство в свое понимание понятия империи. Восточноевропейские общества также должны проанализировать собственное участие в имперских проектах, отношение к меньшинствам и склонность рассматривать колониальную историю как чужую проблему.

Господство Великобритании в Индии, Франции в Алжире и России в Украине не тождественны. Ценность сравнения не в том, чтобы нивелировать отличия. Это делается для того, чтобы иметь

возможность выявить такие общие механизмы, как отрицание политической субъектности, культурную иерархию, контроль знаний, демографическую инженерию и убеждение, что имперский центр лучше понимает, каким должно быть будущее покоренного им населения.

Более широкая концепция укрепила бы отношения Европы с остальным миром. Европейские правительства не могут убедительно требовать от обществ Африки, Азии или Латинской Америки осудить российский империализм, не говоря о собственном колониальном прошлом. С другой стороны, оппозиция западному лицемерию не должна означать принятие российских претензий на статус представителя антиимпериализма, одновременно с отрицанием суверенитета Украины.

Украина должна изменить европейское видение

Процесс расширения ЕС совершенно справедливо называют геополитическим. Интеграция Украины позволила бы закрепить подвергающуюся нападению страну в политическом и правовом строе Европы. Но расширение также должно изменить историческое самосознание ЕС.

Украина не просто возвращается в Европу, идентичность которой сформирована. Она изобличает неполноту той Европы, к которой может присоединиться. Ее опыт свидетельствует о том, что империя – это не только то, что когда-то выстраивали европейские государства за океаном, но и повторяющаяся структура господства внутри Европы и на ее восточных рубежах.

Построение постимперской Европы не может быть выборочным, ведь оно должно противостоять западному колониализму, не рассматривая российский империализм как исключение, а признавать его, не используя для уклонения от ответственности Запада.

Европа станет по-настоящему постимперской не тогда, когда объявит о завершении эпохи империй, а тогда, когда научится распознавать имперское владычество, где бы оно ни проявлялось.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Адам Кола

Адам Кола (Adam Kola) – проректор по научной работе Университета Николая Коперника (NCU). Его исследования сосредоточены преимущественно на интеллектуальной истории Восточной и Центральной Европы, истории идей и сравнительном литературоведении XIX и XX веков.